Roman Kazakow
Państwowy Uniwersytet Badawczy „Wyższa Szkoła Ekonomii”,
Moskwa (Rosja)

«Где Польша?»: Н.М. Карамзин и польский вопрос в конце XVIII – первой четверти XIX века

«Где Польша?» – задавал вопрос Н.М. Карамзин в статье «Всеобщее обозрение» в своем журнале «Вестник Европы», анализируя политическое состояние Европы в 1802 году[1].

Интерес к Польше и польским событиям, современным Н.М. Карамзину, у историографа проявлялся на протяжении всей жизни. Можно сказать, что Польша в различных ее исторических состояниях – это единственное государство, кроме России, которое постоянно оказывалось объектом интереса историографа. Его интерес постепенно усложнялся, переходя от реакции на актуальные политические события в отношениях России и Польши конца XVIII века к осмыслению почти тысячелетней истории взаимоотношений Древнерусского государства и России с Польшей и Великим княжеством Литовским. В основном это станет происходить в годы создания «Истории государства Российского» в первой четверти XIX века. Но особенностью этого этапа осмысления является то обстоятельство, что реакция историографа на современные политические события (победа над Наполеоном, появление Царства Польского в составе Российской империи и первое десятилетие его «российского» политического бытования) обусловлена все более глубоким историческим контекстом. Ведь возникновение Царства

[1] Н.М. Карамзин, *Всеобщее обозрение, «Вестник Европы»*, 1802, № 1, с. 67; idem, *Сочинения*, т. 2, сост., коммент. Г.П. Макогоненко, Ленинград 1984, с. 207.

Польского, его Конституции и Сейма, а затем и слухи о возможном восстановлении независимости Польского государства приходились на годы создания 8–12 томов «Истории», где Великое княжество Литовское и Польша, Речь Посполитая стали едва ли не главным субъектом истории, в противостоянии/союзе с которым происходило становление Российского государства XVI–XVII вв.

Отношение историографа к Польше, полякам в контексте политических событий конца XVIII – первой четверти XIX века, Великому княжеству Литовскому и Польше на страницах «Истории государства Российского» характеризовалось в работах российских и польских исследователей прошлого и настоящего времени. Здесь необходимо назвать ставшие классическими труды А. Валицкого и М. Серейского (наиболее полно литература по проблеме проанализирована в докторской диссертации и монографии Т.Т. Кручковского)[2].

Для того, чтобы с максимально возможной полнотой охарактеризовать отношение Н.М. Карамзина к «польскому вопросу» и последовавшим событиям, необходимо реконструировать комплекс источников, в которых оказались зафиксированы высказывания историографа о Польше.

Представляется, что наиболее ранние упоминания о Польше в сохранившемся творческом наследии Н.М. Карамзина содержатся в «Письмах русского путешественника». «Письма» публиковались в «Московском журнале» с 1791 года. Здесь же в 1792 году напечатана и повесть «Бедная Лиза», в которой Польша (Литва) упомянута один раз.

Отдельные высказывания о событиях третьего раздела Польши можно обнаружить в письмах к брату В.М. Карамзину. Среди сообщений о бытовых, денежных и хозяйственных заботах Николай Михайлович помещал новости о военных событиях для брата, проживавшего в Симбирской губернии.

---

[2] A. Walicki, *W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa*, Warszawa 1964; idem, *Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu*, Warszawa 1995; idem, *Zarys myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do Renesansu religijnofilozoficznego*, Kraków 2005; M. Serejski, *Europa a rozbiory Polski*, Warszawa 1970; Т.Т. Кручковский, *Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос*, Гродно 2010; idem, *История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века*, Гродно 2016.

W.A. Tropinin, Portret Mikołaja M. Karamzina (1766–1826), 1818 r., olej, płótno, Galeria Trietiakowska, Moskwa.
Źródło: http://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4575034, [dostęp: 22.11.2020].

Практически никаких сведений о польских событиях конца XVIII века нет в письмах Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. А в письмах к И.И. Дмитриеву первой четверти XIX века есть важная информация о создании самых «польских» томов «Истории государства Российского» и польских событиях начиная с 1815 года.

Первым значительным произведением Н.М. Карамзина, где осмыслялась бы судьба Польши, было «Историческое похвальное слово Екатерине II» (1802).

Разделы Польши и ликвидация государства рассматривалась историографом в контексте событий Французской революции и Наполеоновских войн в статьях журнала «Вестник Европы» (1802–1803).

О Польше нет упоминаний в неоконченном романе «Рыцарь нашего времени» (1802–1803), который на основании слов самого историографа признается исследователями биографическим,

но беглые упоминания имен и событий могли намекать читателю на сложное переплетение отношений России, Османской империи и Польши еще в первой половине XVIII века.

Наиболее масштабным сочинением, в котором постоянно присутствует Польша, следует признать «Историю государства Российского», где от тома к тому плотность рассказа о российско-польских отношениях только увеличивается. Необходимо учитывать и то обстоятельство, что в Примечаниях к «Истории» будет нарастать корпус опубликованных фрагментов источников по истории Великого княжества Литовского и Польши. Историограф широко использовал сочинения польских авторов и источники на польском языке, переводы которых для него готовил К.С. Сербинович. Воспоминания К.С. Сербиновича и его ответы на вопросы о приемах работы Н.М. Карамзина сообщают важные сведения об интересе историографа к источникам по истории Польши и сочинениям польских авторов – современников Н.М. Карамзина.

Важные дополнительные сведения могут дать еще не прочитанные черновые листы томов «Истории государства Российского». Большая часть сохранившихся черновиков относится как раз к томам, где описание отношений Российского государства и Польши занимает наиболее значительное место. Самые беглые подсчеты показывают, что начальные страницы черновиков разных глав «Истории» могут дать исследователю до 30% текста (от объема текста опубликованного), который по разным соображениям автора так и не вошел в окончательный вариант «Истории государства Российского», приготовленный к публикации. Примером тому могут служить первые черновые листы текста шестого тома «Истории»[3].

Известно, что первые восемь томов «Истории», вышедшие из печати в 1818 году, вызвали оживленную полемику, иногда с весьма резкими характеристиками не только самой «Истории», но и историографа[4]. С отзывами выступили в том числе и известные

---

[3] Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Ф. 248, Оп. 2, Д. 6, Л. 1 и след.

[4] В.П. Козлов, «*История государства Российского» Н.М. Карамзина в оценках современников*, Москва 1989; Р.Б. Казаков, *Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX века: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский*, «Археографический ежегодник за 2000 год», 2001, с. 169–178; R.B. Kazakow, *Споры с «русским*

польские деятели З.Я. Доленга-Ходаковский (А.Е. Чарноцкий) и И. Лелевель. Переписка, публикации критических отзывов, ответы на критику (ответы не самого историографа, известно, что Н.М. Карамзин не вступал в полемику с критиками «Истории») дают важное понимание непростых контекстов бытования в культуре «Истории государства Российского».

Публицистически заостренно прозвучала оценка разделов Польши и антинаполеоновских войн начала XIX в. в записке «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (1811). Записка долгое время не публиковалась полностью, но постепенно становилась известна в рукописных копиях. Многие копии датируются 30-ми годами XIX века, а публикации фрагментов Записки в 1861 г. состоялись накануне польского восстания 1863–1864 гг.

Наиболее ярко проявилось отношение Н.М. Карамзина к «польскому вопросу» в работах и письмах последних лет его жизни. «Мнение русского гражданина» с прибавлениями (1819–1825) необходимо рассматривать в одном ряду с перепиской с императором Александром I по поводу подготовленных глав «Истории государства Российского», которые император читал во время своих переездов из Петербурга в Варшаву и назад.

Таков, как представляется, корпус произведений Н.М. Карамзина, в которых польские события, современные автору и сопровождавшие историю отношений России и Польши на всем ее протяжении, упоминались и анализировались историографом на протяжении более чем тридцати лет жизни.

Единственный момент в жизни Н.М. Карамзина, когда произошло его личное знакомство с Польшей, оказался весьма кратким. Исследователь может судить об этом по страницам «Писем русского путешественника», ставшим литературной фиксацией реального путешествия Н.М. Карамзина за границу[5].

Плютархом»: Н.М. Карамзин и Зориан Доленга-Ходаковский, w: *Dobre i złe sąsiedztwa. Historia kluczem do zrozumienia współczesnych relacji międzysąsiedzkich*, red. T. Maresz, K. Grysińska-Jarmuła, Bydgoszcz 2016, s. 274–281.

[5] В.В. Сиповский, *Н.М. Карамзин, автор «Писем русского путешественника»*, Санкт Петербург 1899; Ю.М. Лотман, *Сотворение Карамзина,* Москва 1987; Л.А. Сапченко, *Н.М. Карамзин: судьба наследия (Век XIX)*, Ульяновск 2003; Т.А. Алпатова, *Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования*, Москва 2012.

Запись в «Письмах русского путешественника» дает представление о Польше до ее второго раздела:

«Поланга, 3/14 Июня 1789. Наконец, проехав Курляндиею более двухсот верст, въехали мы в Польские границы, и остановились ночевать в богатой корчме. (…). В корчмах находили мы по сие время, что пить и есть: суп, жареное с салатом, яицы; и за это платили не более как копеек по двадцати с человека. Есть везде кофе и чай; правда, что все не очень хорошо. – Дорога довольно пуста. Кроме извозчиков, которые нам раза три попадались, и старомодных берлинов, в которых Дворяне Курляндские ездят друг к другу в гости, не встречались никакие проезжие. Впрочем дорога не скучна; везде видишь плодоносную землю, луга, рощи; там и сям маленькие деревеньки, или врозь рассеянные крестьянские домики. (…)

На Польской границе осмотр был не строгий. Я дал приставам копеек сорок: после чего они только заглянули в мой чемодан, веря, что у меня нет ничего нового.

Море от корчмы не далее двух сот сажен. Я около часа сидел на берегу и смотрел на пространство волнующихся вод. Вид величественный и унылый! (…)»[6].

Нельзя зафиксировать никакого особого внимания путешественника к польским пределам. Даже название местечка автор первоначально записал как «Полонга». В последующие издания «Писем» в этом фрагменте Н.М. Карамзин внес лишь незначительную стилистическую правку. В это время Российская империя в союзе со Священной Римской империей воевала с Османской империей, кроме того, шла война со Швецией, но следов отношения к ним литературного путешественника, очень быстро проехавшего через Польшу, в «Письмах» нет. Война с Османской империей шла слишком далеко от маршрута путешествия в Европу и назад. Откликом на нее станет «Песнь мира» как реакция на заключение в 1791 году. Ясского мирного договора:

---

[6] Н.М. Карамзин, *Письма русского путешественника*, изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский, Ленинград 1984, с. 12–13, 397.

Цепь составьте, миллионы,
Дети одного отца!
Вам даны одни законы,
Вам даны одни сердца!
Братски, нежно обнимитесь
И клянитеся – любить!
Чувством, мыслию клянитесь:
Вечно, вечно в мире жить![7]

В 1792 году в «Московском журнале» Н.М. Карамзин опубликовал повесть «Бедная Лиза», которая принесла ему невероятную популярность у читателей. Первые три абзаца повести представляют собой некоторое введение к последующему рассказу о судьбе Лизы. Эти абзацы содержат и сведения исторического характера. Здесь же находится единственное упоминание литовцев в повести, хотя поляки или Польша в первом издании повести напрямую не названы:

«Все сие обновляет в моей памяти историю нашего отечества – печальную историю тех времен, когда свирепые Татары и Литовцы огнем и мечем опустошали окрестности Российской столицы, и когда нещастная Москва, как беззащитная вдовица, от одного Бога ожидала помощи в лютых своих бедствиях»[8].

В.Н. Топоров, анализируя текст повести в многочисленных ее переизданиях, отметил, что в многотомных «Сочинениях» Н.М. Карамзина изданий 1803 и 1814 гг. текст несколько изменился: «свирепые Татары и Поляки», но в третьем издании «Сочинений» 1820 году, последнем прижизненном, снова стояло «свирепые Татары и Литовцы». Именно в этом виде текст и закрепился в последующих изданиях повести в составе сочинений Н.М. Карамзина[9]. В.Н. Топоров отметил, что у Карамзина в 1820 году вряд ли было время на то, чтобы серьезно отвлекаться на подготовку третьего издания своих сочинений: уже был распродан тираж первого издания «Истории», шла подготовка второго издания, кроме того,

---

[7] Н.М. Карамзин, Песнь *мира*, «Московский журнал», 1792, ч. 5, с. 153; idem, *Полное собрание стихотворений*, вступ. ст., подгот. текста и прим. Ю.М. Лотмана, Москва – Ленинград 1966, с. 108, 385.

[8] Н.М. Карамзин, *Бедная Лиза*, «Московский журнал», 1792, ч. 6, с. 242.

[9] Ibidem, с. 242; idem, *Сочинения*, т. 1, сост., вступ. ст. и коммент. Г.П. Макогоненко и Ю.М. Лотмана, Ленинград 1984, с. 507; В.Н. Топоров, «*Бедная Лиза» Карамзина: опыт прочтения*, Москва 1995, с. 369–370, 380, 382, 385, 387, 389.

историограф был занят девятым томом «Истории» с описанием ужасов опричнины Ивана Грозного. Текст «Бедной Лизы» в издании 1814 года «Карамзин считал вполне сложившимся и не подлежащим дальнейшим изменениям, кроме совершенно мелких»[10]. Возможно, свирепые «Поляки» вместо «Литовцев» для издания «Сочинений» в 1803 и 1814 гг. представлялись автору более исторически обоснованными: в это время Карамзин уже погрузился в сочинение «Истории государства Российского». «Литовцы», они же «Поляки», появятся затем еще в повестях «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода», где речь шла об исторических событиях, пусть и изображенных весьма условно, конца XV и XVII веков. При характеристике же современных Карамзину событий он писал о Польше, ведь Литвы как отдельного государства уже давно не существовало.

В 1792 году Н.М. Карамзин выпустил в «Московском журнале» повесть «Наталья, боярская дочь». Условный исторический колорит этой первой исторической повести, по признанию Ф.З. Канунновой, не претендовал на достоверное изображение исторических событий, а призван был способствовать раскрытию душевных порывов героев[11]. Но в контексте заявленной проблемы любопытно отметить, что условный герой-дворянин в России времени Алексея Михайловича уходит защищать Родину в войне с Польско-Литовским государством. Н.М. Карамзин писал в повести о литовцах:

«Свирепые литовцы восстали на Русское царство», (…) «Умрем за отечество или победим литовцев!», (…) «Сражение было самое жестокое. Уже первый ряд русского воинства, теснимый бесчисленным множеством литовцев, начинал колебаться и хотел уступить врагу сильнейшему (…); все воинство двинулось и, восклицая: “Умрем или победим!”, устремилось, как буря, на литовцев, которые,

[10] В.Н. Топоров, op. cit., с. 391.

[11] Ф.З. Канунова, «*Наталья, боярская дочь» как первый опыт исторической повести Н.М. Карамзина,* в: «*Вопросы художественного метода и стиля*», ред. А.А. Ачатова, Томск 1964, с. 174–194; eadem, *Из истории русской повести (Ист.-лит. значение повестей Н.М. Карамзина)*, Томск 1967; Л.В. Крестова, *Романтическая повесть Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и русские семейные предания XVII века*, в: *Древнерусская литература и ее связи с новым временем: исслед. и материалы*, отв. ред. О.А. Державина, Москва 1967, с. 237–259; С.Е. Подлесова, *Исторические повести Н.М. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и «Марфа-посадница, или Покорение Новагорода: особенности жанра, поэтика: диссертация кандидата филологических наук*, Самара 2000 (машинопись).

невзирая на великое число свое, скоро побежали и рассеялись. (…) Побежденные литовцы спешат из пределов России (…)»[12].

Текст повести не дает возможности привязать рассказ к каким-то конкретным событиям отношений России и Польско-Литовского государства времени царствования Алексея Михайловича, но писалась повесть на фоне событий, приведших ко второму разделу Польши. Отмечу, что в повестях Н.М. Карамзин как синонимы употребляет этнонимы «Литовцы» и «Поляки», не делая отличий.

О событиях 1792–1793 гг., приведших ко второму разделу Польши и восстанию Тадеуша Костюшко 1794 году, сведений в письмах Карамзина и его сочинениях нет. Единственное рассуждение относится к 17 августа 1793 года в письме к И.И. Дмитриеву (Карамзин проводил лето в селе Знаменском Орловской губернии):

«Я живу, любезный друг, в деревне с людьми милыми, с книгами и с природою, но часто бываю очень, очень безпокоен в моем сердце. Поверишь ли, что ужасныя происшествия Европы волнуют всю душу мою? Бегу в густую мрачность лесов – но мысль о разрушаемых городах и погибели людей везде теснить мое сердце. Назови меня Дон-Киштом; но сей славный рыцарь не мог любить Дульцинею свою так страстно, как я люблю – человечество! –»[13].

Впрочем, в довольно пространном письме это был всего лишь абзац, который сопровождался другими более важными для корреспондентов сведениями, в том числе литературными новостями.

Известия о третьем разделе Польши имеются в письмах Н.М. Карамзина к брату Василию Михайловичу. 28 марта 1795 года он писал:

«О войне говорить переставали, а теперь снова начинают. Важных новостей нет». Вероятнее всего, речь шла о войне коалиции государств против наполеоновской Франции. 23 мая 1795 г. он сообщал: «Нового еще то, что наш флот, состоящий из двенадцати кораблей, посылается на помощь англичанам, под командою Ханыкова»[14].

---

[12] Н.М. Карамзин, *Записки старого московского жителя: избр. проза*, сост., вступ. ст. и прим. Вл.Б. Муравьева, Москва 1986, с. 84, 86.

[13] *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву,* изд. Я. Грот и П. Пекарский, Санкт Петербург 1866, с. 42.

[14] Н.М. Карамзин, *Письма к братьям. 1786–1826,* сост., подгот. текста и прим. В.А. Сукайло, Ульяновск 2013, с. 20, 21.

Вице-адмирал П.И. Ханыков командовал эскадрой русских кораблей, которые вместе с британским флотом участвовали в блокаде Батавской республики, созданной Бонапартом на территории Нидерландов. А уже 25 ноября 1795 года Н.М. Карамзин мог сообщить о третьем разделе Польши:

«Что принадлежит до Польши, то судьба ее решена: Россия, Австрия и Пруссия разделили полюбовно сию нещастную землю. Сказывают, что курляндцы, сделавшись подданными нашей Императрицы, довольны своею участию»

немного позже, 12 декабря, Н.М. Карамзин написал:

«С Прусским Королем мы развелись полюбовно в рассуждении Польши…»[15].

Очевидно, что войны коалиции с Бонапартом и с Польшей Н.М. Карамзин воспринимал, как единое и ужасное событие для всего мира. Он отозвался на это стихами «К Мелодору в ответ на его песнь любви»:

Когда бледнеет всё в подлунном мрачном мире
И жертвы плавают в дымящейся крови,
Тогда, о Мелодор! на кроткой, нежной лире
Играя, ты поешь о сладостях любви?
Умолкни, милый друг!.. Кто будет наслаждаться
Гармонией твоей? кто ею восхищаться?..
Но нет! играй и пой, любезнейший Орфей!
Поет и в страшный гром на миртах соловей!

Примечание автора к первым двум строкам гласило: «Тогда была война»[16].

Немного ранее, на рубеже 1793–1794 гг., в очень важном для себя философском диалоге Мелодора и Филалета (опубликован в 1795 г. в альманахе Н.М. Карамзина «Аглая») Н.М. Карамзин писал о войне, постепенно поглощавшей всю Европу:

«Осьмой-надесять век кончается; что же видишь ты на сцене мира? – Осьмой-надесять век кончается, и несчастный филантроп меряет двумя шагами могилу свою, чтобы лечь в нее с обманутым, растерзанным сердцем своим и закрыть глаза навеки! (…)

---

[15] Ibidem, c. 27.

[16] Н.М. Карамзин, *К Мелодору в ответ на его песнь любви*, в: *Аониды*: *альманах*, Москва 1796, кн. 1, с. 73; idem, *Полное собрание стихотворений*, с. 165, 391.

Век просвещения! Я не узнаю тебя – в крови и пламени не узнаю тебя – среди убийств и разрушения не узнаю тебя!.. (…)

Свирепая война опустошает Европу, столицу искусств и наук, хранилище всех драгоценностей ума человеческого, драгоценностей, собранных веками, драгоценностей, на которых основывались все планы мудрых и добрых! – И не только миллионы погибают; не только города и села исчезают в пламени; не только благословенные цветущие страны (где щедрая натура от начала мира изливала из полной чаши лучшие дары свои) в горестные пустыни превращаются – сего не довольно (…)»[17].

Теперь, спустя всего несколько лет после европейского путешествия «плодоносная земля, луга, рощи» Польши, превратились в разоренные войной города и села, которые «исчезают в пламени», а «благословенные цветущие страны» превращаются «в горестные пустыни». Для Польши, этой «нещастной земли», судьба судила исчезнуть.

«Историческое похвальное слово Екатерине II», писавшееся сразу же после воцарения Александра I и опубликованное отдельной книгой в 1802 году., видимо, первый труд Н.М. Карамзина, где мы найдем развернутую характеристику событий войн России и Польши и трех разделов Польши. Важно обратить внимание на то, что в это время Н.М. Карамзин все более погружался в изучение источников по истории России и его сочинения, посвященные современной политической ситуации в мире, все чаще и полнее помещались в хронологически глубокий исторический контекст. Это очевидно уже при чтении «Похвального слова», хотя до начала писания «Истории государства Российского» оставалось еще примерно два года.

«Теперь обращается взор наш на ту, некогда мощную Республику, которой имя и бытие уже исчезло в Европе. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможением, хищною рукою хватала в свое подданство целые Княжества Российские? Давно ли древняя столица

[17] Idem, *Сочинения*: в 2 т., т. 2, с. 179–180, 407.

Владимира носила ее цепи? Давно ли и ты, Москва цветущая, лежала у ног гордого вождя Сарматского?»[18].

Наименование Польши «мощной Республикой» в сочинении, где прославляются военные победы Российской империи Екатерины II, не несет отрицательных коннотаций. Это не выглядит нелогичным и необычным, хотя страницами ниже Н.М. Карамзин и охарактеризует особенности устройства республик, которые приводят их к падению. Позже, издавая сочинения М.Н. Муравьева, Н.М. Карамзин будет править его тексты и употреблять термин «Республика» применительно к Новгороду XV века, чего не делал М.Н. Муравьев. Но и в этих сочинениях отрицательных коннотаций к слову «Республика» незаметно[19].

События 1772 года и первый раздел Польши предстали в «Похвальном слове» следующим образом: «Но Россия, подобно спавшему исполину, возстала в гневе своем; враги ее, в их чреду, упали на колена пред нею, и возвратили похищенное. Так, Монархиня взяла в Польше только древнее наше достояние, и когда уже слабый дух ветхия Республики не мог управлять ее пространством. Сей раздел есть действие могущества Екатерины и любви Ее к России. Полоцк и Могилев возвратились в недра своего отечества, подобно детям, которые, быв долго в горестном отсутствии, с радостию возвращаются в недра счастливого родительского семейства». Автор не сомневался в справедливости возвращения в состав империи ее древнего достояния, тех самых «Княжеств Российских», захваченных в прежние века «хищною рукою» Польши. В отличие от «мощной» Польши Средневековья теперь это Республика ветхая и со слабым духом.

В эпическом повествовании о последующих событиях вплоть до «Варшавской заутрени», т.е. нападения на русский гарнизон 17 апреля 1794 года, послужившего сигналом к присоединению жителей Варшавы к восстанию Тадеуша Костюшко, Н.М. Карамзин

---

[18] Idem, *Историческое похвальное слово Екатерине II*, в: idem, *Сочинения*, т. 1, изд. А. Смирдина, Санкт Петербург 1848, с. 288–289.

[19] Р.Б. Казаков, *Приемы историописания в исторических сочинениях Н.М. Карамзина,* Москва 2013; idem, *О карамзинском издании сочинений М.Н. Муравьёва (1810)*, в: *Карамзинский сборник: наследие Н.М. Карамзина и современное состояние российской науки и культуры,* отв. ред. С.М. Шаврыгин, Ульяновск 2013, с. 14–18.

нашел возможным сказать о Конституции 3 мая 1791 года, прямо не упоминая ее:

«Остатки сей Республики волновались и кипели злобою на Россию. Беспокойные умы испровергли древние законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своих опасных для нашей Империи умыслов. Но благоразумные требовали заступления Монархини. Она повелела восстановить древний Устав Республики: толпы мятежников были рассеяны горстию наших воинов, и Польша могла бы еще успокоиться под эгидою Российскою... Но последний час ее настал. Не смея ратоборствовать с Героями в поле, она хотела умертвить их в объятиях сна, и драгоценная кровь Российская обагрила стогны Варшавские. Слабодушные убийцы! Стыд Севера, который, издревле довольствуясь славою побеждать Юг во бранях, оставлял ему гнусную славу коварных злодейств под сению мира! Варшава напомнила ужасы Сицилианские!...»[20].

«Древний Устав Республики» – это, конечно же, не Конституция 3 мая 1791 года, скорее всего Н.М. Карамзин имел в виду реформы времени правления короля Станислава Августа Понятовского, но и оригинальное название законодательного акта «Ustawa rządowa» перекликалось с карамзинским «древним Уставом Республики». Наконец, подавление восстания и ликвидация польской государственности, теперь уже «недостойной Республики» характеризуется как благо для ее народа:

«Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука Ее бросила в урну сей недостойной Республики жребий уничтожения, и Суворов, подобно Ангелу грозному, обнажил меч истребления; пошел – и вождь мятежников спасается от смерти пленом; и Прага, крепкая их отчаянием, дымится в своих развалинах; и Варшава падает к стопам Екатерины. Совершилось! Польши нет; но ее мятежные и несчастные жители, утратив имя свое, нашли мир и спокойствие под державою трех союзных Государств»[21].

В этом фрагменте можно найти, вероятно, единственное в сочинениях Н.М. Карамзина упоминание о Тадеуше Костюшко – «вождь мятежников», которому угрожала смерть.

---

[20] Н.М. Карамзин, *Историческое похвальное слово Екатерине II*, с. 296.

[21] Ibidem, с. 296–297.

Любопытно, что захват Суворовым Праги и капитуляция Варшавы, обернувшиеся в конце концов миром и спокойствием для поляков, описаны автором в категориях, аналогичных описанию бедствий Европы в диалоге «Мелодор к Филалету» (рубеж 1793–1794 гг.). Так, несмотря на события предшествующего десятилетия, захватившие и «нещастную землю» Польши, которые описаны в «Похвальном слове» с положительными оценками, европейские войны по-прежнему означают для Н.М. Карамзина гибель городов и селений, разорение, кровь и смерть. Республика стала «недостойной» только тогда, когда в ней обнаружились «слабодушные убийцы».

И в завершении всего сюжета Н.М. Карамзин поставил Польшу в ряд с республиками древности, указав на причины их падения:

«Республика без добродетели и геройской любви к отечеству есть неодушевленный труп. Афинская, Спартанская, Римская имели свое цветущее время; Польская была всегда игралищем гордых вельмож, феатром их своевольства и народного унижения... Богатейшие страны ее достались на часть России»[22].

И здесь его оценки находят параллели в отредактированных им сочинениях М.Н. Муравьева и описаниях Новгородской республики в «Истории государства Российского», сделанных уже в 1810–1811 гг.

В небольшом фрагменте «Похвального слова» Польша получила характеристики ее республиканского устройства, которые усугублялись, а саму республику это должно было привести к гибели: «некогда мощная Республика», «слабый дух ветхой Республики», «остатки сей Республики», «недостойная Республика», «Польши нет».

Новый, более широкий европейский контекст утраты польской государственности Н.М. Карамзин задал в статьях журнала «Вестник Европы». Причина исчезновения Польского государства – Французская революция. В журнале вообще большое внимание уделялось событиям, связанным с Францией и ее действиями в тогдашней Европе. В первом в России общественно-политическом и литературном периодическом издании раздел «Политика»

[22] Ibidem.

следовал после раздела «Литература и смесь». Но Н.М. Карамзин как редактор и автор журнала далеко не всегда соблюдал принятую в журнале структуру. Так, например, в «Письме к издателю», задававшему программу журнала и размещенному в разделе «Литература и смесь», есть и оценки современного политического положения Европы:

«…вся Европа, наскучив безпорядками и кровопролитием, заключает мир, который по всем вероятностям будет тверд и продолжителен»[23].

В разделе «Литература и смесь» Н.М. Карамзин опубликовал выдержки из «Истории Французской Революции, избранной из Латинских Писателей», которые сообщали читателям характеристики революции, данные во французском издании: «Французская Революция ждет еще своего Историка, и долго будет ждать его». А следующая статья раздела называлась «Женские парики». Раздел же завершался статьями «Анекдоты о Бонапарте, еще не известные» и «Нечто о нынешнем Париже»[24].

В ключевой для журнала статье «Всеобщее обозрение» в разделе «Политика» Карамзин писал:

«Наконец мир в Европе. Исчезли ужасы десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав и, разрушая, угрожала еще большими разрушениями, которая, не ограничиваясь Европой, разливала пламя свое и на все другие части мира и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной. Особенным ее характером было всеобщее волнение умов и сердец. Кто не занимался ею с живейшим чувством? Кто не желал ревностно успехов той или другой стороне? И многие ли сохранили до конца сей войны то мнение о вещах и людях, которое имели они при ее начале? Она не только государства, но и самые души приводила в смятение»[25].

В следующих словах – характеристика состояния Польши:

«Как после жестокой бури взор наш с горестным любопытством примечает знаки опустошений ее, так мы воспоминаем теперь, что была Европа, сравниваем настоящее с прошедшим и удивляемся

[23] Н.М. Карамзин, *Письмо к издателю*, «Вестник Европы», 1802, № 1, с. 3.
[24] Ibidem, с. 20, 38–40, 60–65.
[25] Ibidem, с. 66.

великим политическим изменениям сего десятилетия. Целые области совсем исчезли. Где Польша?».

К своему вопросу Н.М. Карамзин сделал примечание:

«Без французских новостей она не вздумала бы переменить своего правления и не раздражила бы России Варшавским кровопролитием; следственно, Польша была также жертвою Фр. революции»[26].

В 1802 году автор объяснял читателям причины восстания Т. Костюшко влиянием французских революционных идей и самой революции.

Если сопоставить характеристики Польши периода разделов в «Историческом похвальном слове Екатерине II» («мощная Республика», «ветхая Республика», «недостойная Республика») и Польши этого же времени в статье «Всеобщее обозрение», где Польша «вздумала переменить свое правление», то получается, что Французская революция стала причиной гибели республики в Польше и самого Польского государства. Екатерина II в «Похвальном слове» действует как образцовый просвещенный монарх, пытаясь восстановить и утвердить законы в Республике, и тем самым, по логике Н.М. Карамзина, выступает в защиту Польской республики. Эти характеристики и высказывания складывались у Н.М. Карамзина в контексте сложной и неоднозначной ситуации формирования официальной точки зрения и общественного мнения по поводу разделов Польши и исчезновения самого государства[27]. Карамзин, конечно же, не знал переписки императрицы с Г.А. Потемкиным и следующих его слов из письма 1789 года:

«О Польше. Хорошо, естли б ее не делили, но, когда уже разделена, то лутче, чтоб вовсе была она уничтожена, соседи уже сближены. В таком случае зло будет меньше…»[28].

Любопытным представляется совпадение во мнениях, высказанных в разное время и при различных обстоятельствах.

В «Вестнике Европы» появились и первые художественные опыты Н.М. Карамзина, где он проявил себя как автор, уже знакомый

---

[26] Ibidem, с. 66–67.

[27] А.Б. Каменский, *Разделы Польши и возрождение исторической памяти в России XVIII века,* в: А.Б. Каменский, *Россия в XVIII столетии. Общество и память*, Санкт Петербург 2017, с. 261–334.

[28] *Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка, 1769–1791*, изд. подгот. В.С. Лопатин, Москва 1997, с. 893. Прим. 5.

с материалом источников и исторических трудов. В «Известии о Марфе-посаднице, взятом из жития св. Зосимы» он зафиксировал свои представления о труде историка, который хочет написать биографию героя прошлых веков:

«Правда, что Русские летописцы, в которых должно искать материалов для сих биографий, крайне скупы на подробности; однако ж ум внимательный, одаренный историческою догадкою, может дополнять недостатки соображением, подобно как ученый любитель древностей, разбирая на каком-нибудь монументе старую греческую надпись, по двум буквам угадывает третью, изглаженную временем, и не ошибается»[29].

Великое княжество Литовское и Польша весьма специфически изображались на страницах повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода». Посол Ивана III обвинял новгородцев в «тайных связях с Литвою и Казимиром»:

«Скоро, скоро вы соберетесь на звук Вечевого колокола, и надменный Поляк скажет вам на лобном месте: вы рабы мои! Но Бог и великий Иоанн еще о вас пекутся»[30].

В годы издания «Вестника Европы» подобные подробности Н.М. Карамзин мог прочитать на страницах уже опубликованной Никоновской летописи или в многотомном сочинении М.М. Щербатова. Никоновская летопись сообщала: «…и к Королю паки возхотеша». «История» М.М. Щербатова могла быть и прямым источником для сведений о тайных связях новгородцев с польским королем: М.М. Щербатов писал, что новгородские бояре, «склонные к Польской стороне», побуждали «поддаться Польскому королю», а «вскоре таковые поступки и слова Новгородского народа известны стали Государю Московскому через его послов...»[31]. Но дальнейший рассказ повести потребовал уже беллетристического писательского таланта Н.М. Карамзина. И Никоновская летопись,

---

[29] Н.М. Карамзин, *Известие о Марфе-посаднице, взятом из жития св. Зосимы*, «Вестник Европы», 1803, № 12, с. 299–300; idem, *Сочинения*, в т. 2, Т. 2, с. 165. Курсив в словах «*историческою догадкою*» принадлежит Н.М. Карамзину.

[30] Idem, *Марфа Посадница, или Покорение Новагорода*, «Вестник Европы», 1803, № 1, с. 11; idem, *Сочинения,* т. 1, с. 547. Курсив в словах «*Вечевого колокола*» и «*рабы мои*» принадлежит Н.М. Карамзину.

[31] М.М. Щербатов, *История Российская от древнейших времен*, Санкт Петербург 1783, т. 4, ч. 2, с. 111–112; *Русская летопись по Никонову списку*, Санкт Петербург 1790, ч. 6, с. 73.

и М.М. Щербатов, во многом опиравшийся на ее сведения, сообщали о том, что Марфу Борецкую схватили и отправили в Москву, но в финале повести Н.М. Карамзина Марфа была казнена.

В одном из эпизодов повести ночью к Марфе тайно приходит «хитрый поляк», посланец короля Казимира, «в одежде нерусской, с длинным мечом литовским» и предлагает покровительство короля Казимира Новгороду. Марфа с гневом отвергла притязания польского короля:

«Когда вы не были лютыми врагами народа русского? Когда мир надеялся на слово польское? (…) И вы дерзаете мыслить, что народ великодушный захочет упасть на колена пред вами? Тогда бы Иоанн справедливо укорял нас изменою. Нет! Если угодно небу, то мы падем с мечом в руке пред князем московским: одна кровь течет в жилах наших; русский может покориться русскому, но чужеземцу – никогда, никогда!.. Удались немедленно, и если восходящее солнце осветит тебя еще в стенах новогородских, ты будешь выслан с бесчестием. Так, Марфа любима народом своим, но она велит ему ненавидеть Литву и Польшу... Вот ответ Казимиру!»[32].

Кажется, в повести впервые в творчестве Н.М. Карамзина русские и поляки – лютые враги и вечно ненавидят друг друга. До сих пор подобных оценок и характеристик у Н.М. Карамзина не встречалось, но, видимо, они объясняются художественными особенностями самой повести и драматическим напряжением ее сюжета.

Отмечу и еще одну деталь. До сих пор «Литовцы» и «Поляки» могли заменять друг друга в текстах повестей разных изданий. И даже в «Марфе-Посаднице» «хитрый Поляк» «в одежде не Руской» приходит «с мечем Литовским»! Но здесь Карамзин демонстрирует хорошее знакомство с источниками: Литва и Польша упомянуты вместе. Видимо, для Карамзина, автора, который еще не приступал к сочинению «Истории государства Российского», уже есть представление об истории Великого княжества Литовского периода уний с Польшей и создания Речи Посполитой. Посланец Казимира называл Марфу «Новогородскою Вандою», «великой дочери Краковой», Карамзин дал к этой фразе свое примечание:

---

[32] Н.М. Карамзин, *Марфа Посадница, или Покорение Новагорода*, № 1, с. 11; № 2, с. 122–123; idem, *Сочинения*, т. 1, с. 547, 564–565.

«О сей Королеве Польския летописи разсказывают чудеса». О легендарной польской княжне VI–VII веков писали в своих сочинениях польские авторы В. Кадлубек, Я. Длугош и др. Их сочинения обильно цитировались в томах «Истории государства Российского». Особенности использования Н.М. Карамзиным трудов польских историков, а также сочинений русских историков XVIII века и А.Л. Шлецера, в которых использовались труды польских историков, подробно проанализировала Г.А. Космолинская[33]. Справедливо будет поставить вопрос о том, какие из этих сочинений были знакомы Н.М. Карамзину, литератору и автору «Вестника Европы», пока он еще не был назначен историографом.

С октября 1803 и по начало 1826 года Н.М. Карамзин был занят сочинением «Истории государства Российского». Очень схематично последовательность создания томов «Истории» может быть охарактеризована так (исключая предварительные этапы): подготовка чернового текста очередного тома, появление первого черновика с обширной правкой, переписывание первого черновика и появление второго чернового варианта, где Н.М. Карамзин правил текст гораздо меньше, написание примечаний к тому, изготовление беловой рукописи, издание «Истории», работа историографа над вторым изданием и внесение новой правки, появление второго издания «Истории», на страницах томов которого автор оставил несколько помет.

Вероятно, наиболее подробно и детально приемы работы Н.М. Карамзина с источниками и писания томов «Истории» охарактеризовал К.С. Сербинович, когда он переводил для историографа источники на польском языке и сочинения польских авторов. Константин Степанович вспоминал:

«С 1820 года он употреблял и меня для перевода из латинских и польских писателей большею частию о временах самозванцев и Междуцарствия»[34].

О приемах изучения рукописей и книг:

---

[33] Г.А. Космолинская, *Польские исторические нарративы в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (к вопросу о польском влиянии в русской историографии)*, „Slavia Orientalis", T. XLIX: 2000, № 2, s. 187–205.

[34] К.С. Сербинович о Н.М. *Карамзине, публ., вступ. ст. и примеч. Б.Д. Гальпериной,* в*: Российский Архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах*, т. 9, Москва 1999, с. 199.

«Тут видно, как он читал каждую, выбирая из нее все относящееся к предмету, который намеревался описывать, и не забывая отмечать самые листы рукописей или страницы книг. В самых рукописях и книгах, читанных им, эти места очеркнуты на полях карандашом или даже чернилами. (…) В уцелевших черновых листах Истории можно видеть, как иное было у него набрасываемо на бумагу прежде надлежащего изложения. Но иногда он принимался прямо за самое изложение, которое нередко после уступало место новому изложению. Черновые листы Истории в первоначальном их виде подвергались большим переделкам или перемеркам; целые строки бывали перечеркиваемы и заменяемы новыми строками; даже случалось видеть, что и между этих строк вставлены были другие слова и выражения вместо зачеркнутых, в такой степени, что только глаз, привычный к его почерку, может надлежащим образом разобрать и прочесть все. А между тем он никогда не упускал означать в строках меж скобками название сокращенное источника с указанием страниц. Все такие места непременно требовали собственноручной его переписки; затем являлись и перебеленные им целые главы, с указанием уже на полях книг и страниц, откуда взяты события»[35].

Примером работы Н.М. Карамзина с черновой рукописью может служить правка эпизода времени осады Пскова польским королем Стефаном Баторием во время Ливонской войны. В русских и иностранных источниках Н.М. Карамзин обнаружил одинаковые сведения и опубликованный текст выглядит следующим образом:

«Но, имея твердость великодушную, Замойский не стыдился коварства: вымыслил или одобрил гнусную хитрость, чтобы погубить главного защитника Псковского. К нашим Воеводам явился Российский пленник, без всякого условия отпущенный из Литовского стана, с большим ларцем и с следующим письмом от Немца Моллера к Шуйскому: „Государь Князь Иван Петрович! Я долго служил Царю вместе с Георгом Фаренсбахом; ныне вспомнил его

[35] Ibidem, c. 194–195. О польских источниках в «Истории государства Российского»: Г.А. Космолинская, *Польские исторические нарративы в «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина*; G. Kosmolinskaja, *Polnische narrative Quellen in der „Istorija gosudarstva Rossijskogo" N.M. Karamzins. Zur Frage des polnischen Einflusses auf die russische Historiographie*, in: *Russische Aufklarungsrezeption im Kontext offizieller Bildungskonzepte (1700–1825)*, Berlin 2001, S. 589–605.

хлеб-соль; желаю тайно уйти к вам и шлю наперед казну свою: возьми сей ящик, отомкни, вынь золото и блюди до моего прихода". К счастию, Воеводы усомнились: велели искусному мастеру бережно открыть ящик и нашли в нем несколько заряженных пищалей, осыпанных порохом. Если бы сам Шуйский неосторожно снял крышку, то мог бы лишиться жизни от выстрелов и разорвания пищалей. Спасенный Небом, он написал к Замойскому, что храбрые убивают неприятелей только в сечах; предлагал ему бой честный, единоборство, как Баторий Иоанну. Уже Воеводы наши знали о съезде поверенных, но все еще бодрствовали, не отдыхали, днем и ночью тревожили, били слабеющих Литовцев, коих оставалось наконец не более двадцати шести тысяч»[36].

Оценка Карамзиным этого поступка Замойского однозначна: «гнусная хитрость», но сам текст, прежде чем удовлетворил историографа, дважды переделывался, и только третий вариант вошел в издание.

Карамзин добавлял в черновую рукопись новые детали о том, кто и как решал, открывать ли ларец, и кто разгадал хитрость поляков, о последствиях этого для осажденных во Пскове. По мере переделки текст становился более стройным и четким, усиливались нравственные характеристики и подбирались соответствующие эпитеты. Наконец, из текста «Истории» были убраны упоминания об авторах источников. Иногда такого рода фразы («летописцы говорят», «так пишут историки чужеземные, а наш современный летописец...») свидетельствуют о некоторой отстраненности историографа, его недоверии к данным источников. Здесь же Н.М. Карамзин оставил только свои слова без всяких оговорок, сделав тем самым текст более однозначным и категоричным. В примечании 596 помещены пространные выдержки из источников с элементами их сравнения.

Карамзин вносил существенные дополнения в черновой текст, если получал новые документы. Один из многих примеров такого рода – обстоятельства русско-польских переговоров 1608 года, когда польские послы находились у «тушинского вора» и туда же

---

[36] Н.М. Карамзин, *История государства Российского,* Москва 1989, кн. 3, т. 9, с. 203–204 (между прим. 596 и 597).

привел свой отряд Я. Сапега: «Василий мог справедливо жаловаться, что Ляхи, заключая мир, воюют и нападают врасплох: он скоро увидел их совершенное вероломство. Исполняя договор, Василий вместе с Послами немедленно отпустил в Литву Воеводу Сендомирского, Марину и всех их знатных единоземцев из Москвы и других мест, где они содержались; дал им для хранения воинскую дружину под начальством Князя Владимира Долгорукого и надеялся, что Рожинский, Вишневецкий и другие Паны, извещенные об условиях мира, оставят Лжедимитрия: но никто из них не думал оставить его! Они дали время Послам и Мнишку удалиться и снова начали воевать, не внимая убеждениям наших Бояр, которые писали к ним, что обман столь гнусный достоин не витязей Державы Христианской, а подлых слуг злодея подлого; что если Рожинский имеет хотя искру чести в душе, то обязан выдать Самозванца для казни и немедленно выйти из России. Число Ляхов грабителей еще умножилось семью тысячами всадников, приведенных в Тушино Усвятским Старостою Яном Петром Сапегою»[37]. Текст был расширен, наполнен новыми подробностями, появилось и новое примечание с цитатой из недавно полученного документа.

Любопытно, что историограф в последних томах «Истории» чаще всего употребляет термин «Ляхи», нежели «Поляки» или «Литва». Известно, что перебеленные тексты глав «Истории» историограф передавал императору Александру I для чтения по дороге из Петербурга или Царского села в Варшаву и назад. 2 мая 1825 года Н.М. Карамзин писал императору: «Пользуюсь Вашим милостивым дозволением: вот первые три главы XII-го тома Истории Российской, списанные моею женою и дочерью, для чтения в коляске на обратном пути из Варшавы в Царское Село...». 27 мая 1825 года Александр I благодарил историографа: «Искренно благодарю за присылку продолжения полезных трудов ваших. Дорогою займусь сим приятным и поучительным чтением». Три первые главы 12-го тома были посвящены 1606–1610 годам и царствованию Василия Шуйского. Здесь также попеременно можно найти в тексте «Ляхов» или «Поляков». Годом ранее Н.М. Карамзин отвечал Александру I на его замечания к тексту «Истории»:

[37] Ibidem, кн. 3, т. 12, с. 52 (между прим. 206 и 208).

«Следуя Вашему замечанию, я с особенным вниманием просмотрел те места, где говорится о Поляках, союзниках Лжедимитрия: нет, кажется ни слова обидного для народа; описываются только худые дела лиц, и так, как сами Польские Историки описывали их или судили: ссылаюсь на 522 примечание XI-го тома. Я не щадил и Русских, когда они злодействовали или срамились. Употребляю предпочтительно имя Ляхов для того, что оно короче, приятнее для слуха, и в сие время (то есть, в XVI и в XVII веке) обыкновенно употреблялось в России»[38].

Очевидно, Александр I опасался, что «имя Ляхов» будет выглядеть некорректно по отношению к польским подданным императора. «История» издавалась на кабинетские деньги, а Н.М. Карамзин был назначен историографом указом Александра I, который гласил:

«Указ Кабинету. Как известный писатель, Московского Университета Почетный член, Николай Карамзин, изъявил Нам желание, посвятить труды свои сочинению полной Истории Отечества Нашего; то Мы, желая ободрить его в толь похвальном предприятии, всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве Историографа, по две тысячи рублей ежегодного пенсиона, из Кабинета Нашего. Александр. В Гатчине Октября. 31 дня. 1803 года»[39].

Вероятно, Александр I просил внести поправки в текст, но Н.М. Карамзин отказался. Историограф, отвечая на «замечание» императора, писал, что «нет, кажется ни слова обидного для народа». Любопытно, это Александр I говорил о польском народе и также в тон ему отвечал историограф или в этом письме просматривается оппозиция Карамзина: он писал о тех Ляхах/Поляках, которые не «народ», а «лица»? И «худые дела» – это дела «лиц», но не польского народа?

В упомянутом примечании 522 наряду с другими сочинениями иностранных авторов историограф цитировал труд Адама

---

[38] Н.М. Карамзин, *Неизданные сочинения и переписка*, Санкт Петербург 1862, с. 34, 29.

[39] «*Блестящий сын златого века. Н.М. Карамзин и его эпоха*» / Федер. арх. агентство. Москва cop 2016–2018; http://karamzin.rusarchives.ru/dokumenty/ukaz-imperatora-aleksandra-i-kabinetu-eiv-o-proizvodstve-nm-karamzinu-ezhegodnogo-pensiona [дата обращения: 20.06.2018]. Текст: электронный (Российский государственный исторический архив (Санкт Петербург). Ф. 468 (Кабинет его императорского величества). Оп. 1, ч. 2. Д. 3920. Л. 536). Указ не вошел в изд.: *Полное собрание законов Российской империи*, т. 27, с. 965–967, № 21022–21023.

Станислава Нарушевича «История Яна Кароля Ходкевича, воеводы виленского, великого гетмана Великого княжества Литовского»[40]:

«Поляки, употребляя во зло благосклонность к ним Царя, сделались надменными, алчными корыстолюбцами, грабителями, распутными; презирали Россиян и Веру их»[41].

Из воспоминаний К.С. Сербиновича ясно, что историограф воспользовался помощью К.С. Сербиновича, который вспоминал о событиях 1820 года: «16-го ноября он дал мне для перевода сочинение Нарушевича „Historya Chodkiewicza"».[42]

В 1820 году историограф попросил К.С. Сербиновича заняться переводом труда Ю.У. Немцевича:

«Еще более я порадован был тем, что Карамзин остался доволен моею работою. Похвалив меня за точность, он вынес ко мне второй том изданной в 1819 году, в Варшаве, книги „Деяния Сигизмунда III" (Dzieje panowania Zygmunta III), сочинения Немцевича: в этом томе, в нескольких главах, заключался любопытный эпизод о Димитрии Самозванце. Николай Михайлович просил меня заняться переводом не иначе, как на досуге. Само собою разумеется, я занялся им как самым важнейшим для меня делом после служебных занятий.

На святой неделе Николай Михайлович, спрашивая об успехе моего перевода, повторил, чтобы я не спешил, а только бы заботился о точности, особенно при переводе помещенных в конце книги документов»[43].

Это замечание о точности, особенно применительно к используемым источникам, подчеркивает важную черту всего творчества Карамзина, начиная от первых переводов с немецкого языка и до последних десятилетий, где важнейшую роль играла исследовательская работа с источниками «Истории государства Российского», счет которых шел на сотни. Так, М.А. Дмитриев, который читал не позднее 1865 года рукопись погодинской биографии

---

[40] A.S. Naruszewicz, *Historya Jana Karola Chodkiewicza Woiewody Wilenskiego, Hetmana Wielkiego W. X. L.*, т. 2, Warszawa 1781.

[41] Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 3, т. 11, прим. к т. 11, с. 76.

[42] *Николай Михайлович Карамзин: воспоминания К.С. Сербиновича,* в: *Русская старина,* Санкт Петербург 1874, т. 11, № 9, с. 57.

[43] Ibidem, c. 53; J.U. Niemcewicz, *Dzieje panowania Zygmunta III, króla polskiego, wielkiego księcia litewskiego, itd.*, t. 3, Warszawa 1818–1819.

Карамзина и оставлял на полях свои замечания и рекомендации по исправлению текста, замечал: «…А всего вернее, что любил ясность, т.е. простую наглядность. Карамзин ум был не глубокий, а ум исследователя, ум анализа, а не ум синтезиса. Это доказывает и его история». Слова «ясность» и «простую наглядность» Дмитриев даже подчеркнул[44].

Н.М. Карамзин внимательно читал перевод, отчеркивая на полях важные для него места, иногда подчеркивал заинтересовавшие его слова и даты, отмечал их по обыкновению косым крестиком. К.С. Сербинович перевел и любопытное примечание Ю.У. Немцевича, касающееся подробностей происхождения Лжедмитрия:

«Сказывали мне, что один из первейших Российских писателей Г. Карамзин, пишущий ныне гладким пером Историю Государства Российского, так как и предшественники его, почитает Димитрия ложным...»[45].

Н.М. Карамзин ссылался на оригинальное издание труда Ю.У. Немцевича, но очевидно, что польский историк публиковал свой труд, еще не имея изданной «Истории» Н.М. Карамзина. В таком случае, перед нами один из первых откликов историописателя на труд Карамзина, еще не вышедший из печати и ставший известным историографу, и это сочинение польского автора.

Первые восемь томов «Истории государства Российского» вышли из печати в 1818 году и породили многочисленные отзывы и обширную полемику. Среди критиков оказался З.Я. Доленга-Ходаковский, который стал известен своими резкими отзывами в адрес историографа[46]. Отмечу лишь, что Н.М. Карамзин внимательно относился к наблюдениям Ходаковского, его топонимическим уточнениям и отмечал это в «Истории». Сведения

---

[44] Российская государственная библиотека, Отдел рукописей (Москва), Ф. 231/1 (Погодин Михаил Петрович), Оп. 1, Карт. 16, Д. 1в, С. 344, Ср.: М.П. Погодин, *Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников*, Санкт Петербург 1866, ч. 1, с. 169; Р.Б. Казаков, *Заметки о формировании метода источниковедения в XVIII – первой четверти XIX в.*, в: *Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф.*, редкол.: В.А. Муравьев (отв. ред.) и др., Москва 1999, с. 40–48.

[45] Н.М. Карамзин, *История государства Российского* (reprint), кн. 3, т. 11, Прим. к т. 11, с. 39.

[46] Р.Б. Казаков, *Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX века: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский;* idem, *Споры с «русским Плютархом»: Н.М. Карамзин и Зориан Доленга-Ходаковский.*

Ходаковского историограф включил в прибавления к 8-му тому «Истории» второго издания:

«Вот известие, сообщенное мне Зорияном Д. Ходаковским, который ревностно занимается отысканием древностей и местных достопамятностей народа Славянского вообще. Я обязан ему и другими замечаниями, и внесенными в сии прибавления с означением его имени»[47].

Н.М. Карамзин увидел второе издание первых восьми томов «Истории государства Российского» и, продолжая работать над оставшимися томами, внес некоторые поправки на страницах томов второго издания. Примечательно его внимание к деталям некоторых «польских» событий. «В мае 1492 году был отправлен в Варшаву Иван Никитич Беклемишев…». Карамзин исправил: «в Краков». О «гнусном злоумышлении», «злоумышлении на жизнь Иоаннову», т.е. попытке отравить Ивана III ядом, который привез в Москву князь Иван Лукомский, подосланный королем Казимиром в 1492 году: «…Яд, составленный в Варшаве…». Карамзин уточнил: «в Польше»[48]. Отмечу, что в эпизоде попытки отравления текст шестого тома «Истории», напечатанный в первом издании, никак не был изменен историографом для второго издания и исправление на полях шестого тома второго издания осталось единственным. Сохранившиеся несколько листов черновика именно этого эпизода показывают, что в момент написания текст с фактологическими подробностями попытки отравления складывался практически сразу, внесенная в черновик правка была стилистической. В опубликованном тексте (обоих изданий «Истории») значилось: «В сие время открылось в Москве гнусное злоумышление, коего истинный виновник уже тлел во гробе…». «Истинный виновник» – король Казимир, слово «истинный» Н.М. Карамзин вписал над строкой, усилив свою характеристику[49].

Шестой том «Истории», посвященный главному герою русской истории для Н.М. Карамзина – Ивану III, писался в то же время, что и знаменитая записка «О древней и Новой России в ее

---

47 Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, Москва 1988, кн. 1, т. 1, Прим. к т. 1, с. 117.

48 Ibidem, Москва 1989, кн. 2, т. 6, с. 150.

49 Российский государственный архив литературы и искусства (Москва), Ф. 248 (Карамзин Николай Михайлович), Оп. 2, Д. 7, Л. 157.

политическом и гражданском отношениях». Несколько фраз историографа в Записке позволяют видеть, что его отношение к разделам Польши, высказанное в «Историческом похвальном слове Екатерине II», не изменилось: «Пусть иноземцы осуждают раздел Польши: мы взяли свое». Н.М. Карамзин указал и на новые обстоятельства сложных отношений с наполеоновской Францией 1806–1807 гг., войны, завершившейся Тильзитским миром и созданием Великого герцогства Варшавского:

«…Не осуждаю и последней войны с Французами, – тут мы долженствовали вступиться за безопасность собственных владений, к коим стремился Наполеон, волнуя Польшу»[50].

В Записке впервые в своих сочинениях историограф сформулировал свою позицию по поводу будущего Польского государства:

«Умолчим ли о втором необходимом для нашей безопасности условии, от коего мы долженствовали бы отступить, разве претерпев новое бедствие на правом берегу Немана, условии, чтобы не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем? Безопасность собственная есть вышний закон в политике: лучше было согласиться, чтоб Наполеон взял Шлезию, самый Берлин, нежели признать Варшавское Герцогство»[51].

Но категоричность его утверждения «не быть Польше ни под каким видом, ни под каким именем» ближе, скорее, не к высказываниям в «Историческом похвальном слова Екатерине II» и статье «Всеобщее обозрение», а с художественно вымышленным ответом Марфы Борецкой на предложения короля Казимира – «ненавидеть Литву и Польшу...» из повести «Марфа-Посадница, или Покорение Новагорода». Нет подобной категоричности и в строках шестого тома «Истории», где подробно говорилось о войне с Польско-Литовским государством времен Александра Ягеллончика: «Король Польский не имел надежды одолеть Россию, сильную многочисленностию войска и великим умом ее Государя. Литва истощалась, слабела: Польша не охотно участвовала в сей войне разорительной». На предложения польских послов

---

[50] Н.М. Карамзин, *О древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношениях*, «Литературная учеба», 1988, № 4, с. 107.

[51] Ibidem, с. 111–112.

о вечном мире на польских условиях историограф привел слова Ивана III, взятые из источников:

«„Отчина Королевская", сказал он, „есть земля Польская и Литовская, а Русская наша. Что мы с Божиею помощию у него взяли, того не отдадим. Еще Киев, Смоленск и многие иные города принадлежат России: мы и тех добывать намерены"»[52].

Наиболее известным произведением Н.М. Карамзина, посвященным Польше и опубликованным только в 1862 году[53], стало прочитанное лично Александру I «Мнение Русского Гражданина». Вызванное вполне конкретными обстоятельствами оно было написано в октябре 1819 года и затем дополнялось. До сих пор в литературе «Мнение Русского Гражданина» цитировалось по изданию 1862 года. Отмечу, что в публикации 1862 года допускались вполне приемлемые для археографической практики второй половины XIX века отступления от текста оригинала. Подчеркнутые автором слова без оговорок передавались курсивом, квадратные скобки заменялись круглыми. Слова, вписанные над строкой позднее текста в строках, вообще никак не обозначались. Впрочем, в предисловии к изданию уточнялось отношение к тексту автора, «Писателя, имевшего решительное влияние на успехи нашего языка и Словесности»: «Мы старались сохранить правописание Карамзина, какое нашли у него (…)»[54]. Обращение к рукописному оригиналу «Мнения» дает исследователю возможность увидеть важные детали, которые историограф вносил в текст. Мнение историографа о возможном восстановлении независимости Польши однозначно:

«Мы взяли Польшу мечем: вот наше право, коему все Государства обязаны бытием своим, ибо все составлены из завоеваний».

Польские земли присоединила еще Екатерина Великая:

«Екатерина ответствует Богу, ответствует Истории за свое дело; но оно сделано, и для Вас уже свято: для Вас Польша есть законное Российское владение».

Здесь еще раз, как и в более ранних сочинениях Карамзина, возникнет «враждебная Литва», которой «долго принадлежали»

---

[52] Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 2, т. 6, с. 198, 199.
[53] Idem, *Неизданные сочинения и переписка*, с. 3–12.
[54] Ibidem, с. III.

Киев, Чернигов и Смоленск. Среди аргументов против восстановления независимой Польши вновь возник Наполеон, в данном случае как завоеватель, а не как следствие Французской революции:

«Наполеон мог завоевать Россию (…). Россия, Государь, безмолвна перед Вами; но если бы возстановилась древняя Польша [чего Боже сохрани!] и произвела некогда историка достойного, искреннего, безпристрастного, то он, Государь, осудил бы Ваше великодушие, как вредное для Вашего истинного Отечества, доброй, сильной России. (…) Ответствую Вам головою за сие неминуемое действие целого возстановления Польши».

«...Одним словом, возстановление Польши будет падением России, или сыновья наши обагрят своею кровью Землю Польскую и снова возьмут штурмом Прагу!».

Наконец, самое суровое и категоричное суждение историографа:

«Нет, Государь, никогда Поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками. Теперь они слабы и ничтожны: слабые не любят сильных, а сильные презирают слабых; когда же усилите их, то они захотят независимости, и первым опытом ее будет отступление от России. (…) Литва, Волыния желают Королевства Польского; но мы желаем единой Империи Российской… (…) Поляки, законом утвержденные в достоинстве особенного, державного народа, для нас опаснее Поляков-Россиян».

«Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское, как оно есть ныне; но да существует, да благоденствует и Россия, как она есть, и как оставлена Вам Екатериною!.. (…) NB. Читано Государю в тот же вечер. Я пил у него чай в кабинете, и мы пробыли вместе, с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу заполночь»[55].

Очевидно, что в текст «Мнения», которое представляет собой беловой вариант (нам неизвестно, предшествовал ли ему некий черновик или этот текст был написан сразу набело), Н.М. Карамзин вносил незначительную правку, вставляя слова над строкой. Это по большей части эмоционально окрашенные эпитеты,

[55] Idem, *Мнение Русского Гражданина*, Российский государственный исторический архив (Санкт Петербург), Ф. 951 (Карамзин Николай Михайлович), Оп. 1, Д. 29, Л. 5, 5об., 6, 6об., 7. Курсивом выделены слова, вписанные над строкой. Квадратные скобки и подчеркивания принадлежат Н.М. Карамзину.

которые усиливают аргументы автора. Можно предположить, что они прозвучали особенно акцентированно во время чтения «Мнения» Александру I.

Для более полного понимания позиции историографа интересно сопоставить его суждения с характеристиками Польши в том тексте «Истории государства Российского», который писался в это время. На столе лежали самые «страшные» страницы «Истории» – начатый еще несколько лет назад девятый том (историограф по приезде в Петербург стал читать в салонах главы тома об «истинно грозном тиране», который «представлен им с величайшей верностию и точно русским, а не римским тираном», как писал в конце февраля 1816 года А.И. Тургенев С.И. Тургеневу[56]), «в нем ужасы»[57] царствования Ивана Грозного, «злодейства Ивашки»[58], «ужасы тиранства»[59]. В описаниях отношений с Польшей, бедствий Ливонской войны нет жестких слов неприятия Польши и поляков. Но в заключительной характеристике личности Ивана Грозного историограф вдруг написал «нравственную апофегму» – «Польза Истории»:

«Жизнь тирана есть бедствие для человечества, но его История всегда полезна, для Государей и народов: вселять омерзение ко злу есть вселять любовь к добродетели», История «не исправляя злодеев, предупреждает иногда злодейства, всегда возможные, ибо страсти дикие свирепствуют и в веки гражданского образования, веля уму безмолвствовать или рабским гласом оправдывать свои исступления»[60].

Примечание к апофегме гласило: «См. Историю Французской Революции»[61]. Не означает ли это примечание, что невозможное восстановление государственности Польши, которое окажется

---

[56] Цит. по: *Хроника петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина*, сост.: Л.А. Сапченко, Т.Ф. Селезнева, Ульяновск 2016, с. 14.

[57] *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*, с. 269.

[58] *Письма Карамзина к Алексею Федоровичу Малиновскому и письма Грибоедова к Степану Никитичу Бегичеву*, Москва 1860, с. 36.

[59] *Некоторые подробности о ходе работ Н.М. Карамзина по составлению «Российской истории»: письмо Н.М. Карамзина к В.Н. Каразину. 25 мая 1818 г. С.-Петербург*, в: *Русская старина*, Санкт Петербург 1900, № 4, с. 137.

[60] Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 1, т. 1, с. XII; С.О. Шмидт, «*История государства Российского» в культуре дореволюционной России, вступ до: Н.М. Карамзин, История государства Российского*, Москва 1988, кн. 4, с. 28.

[61] Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 3, т. 9, с. 259; прим. к т. 9, с. 167.

падением России, Польши, где ее жители никогда не будут братьями и союзниками русским, рассматривалось историографом в более широком и драматически напряженном историческом и политическом контексте, в котором приходилось помнить не только о войнах России и Польши, описанных на страницах «Истории», но и об «ужасах десятилетней войны, которая потрясла основание многих держав и, разрушая, угрожала еще большими разрушениями, которая, не ограничиваясь Европой, разливала пламя свое и на все другие части мира и которая будет славна в летописях под страшным именем войны революционной» и в которой «Польша была также жертвою Фр. революции»?

Девятый и последующий тома «Истории» писались на фоне событий, привлекших самое серьезное внимание общества и потребовавших участия в них историографа, – открытие работы Сейма в Варшаве и речь при открытии Александра I 15 марта 1818 года. Известно, что переводивший на русский язык сказанную по-французски речь князь П.А. Вяземский советовался с историографом о переводах сложных мест. Об этом свидетельствует их переписка 1818 года. Историограф одобрил перевод и дал некоторые советы[62]. В этом же году граф В.Б. Стржемень-Стройновский, перешедший на русскую службу, прислал Н.М. Карамзину перевод своего труда «Ekonomika Powszechna Krajowa Narodów» (Warszawa 1816), выполненный в 1817 году В.Г. Анастасевичем. 8 апреля 1818 года Н.М. Карамзин писал И.И. Дмитриеву:

«В каком смысле находишь ты книгу Стройновского примечания достойною? Вчера автор прислал ее ко мне: загляну. Он Экономист, как слышу, и щиплет Шторха»[63].

Н.М. Карамзин высоко отзывался о трудах знаменитого экономиста и академика А.К. Шторха, преподававшего политэкономию великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам, и познакомился с ним в марте 1816 года, когда приехал в Петербург: «…Любезный Шторх» «…умен и приятен». Так историограф отозвался в письме к Екатерине Андреевне Карамзиной об ученом, с которым беседовал

---

[62] *Хроника петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина*, с. 97.

[63] В. Стройновский, *Всеобщая история народов,* 4 ч., Санкт Петербург 1817; *Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву*, с. 236, 099–0100, *Хроника петербургского периода жизни и творчества Н.М. Карамзина*, с. 97.

о положении крестьян. Последователь системы А. Смита и противник крепостного права, Шторх с вниманием слушал аргументы Карамзина и признавал их, по словам историографа, новыми и сильными, говорил о своих возможных заблуждениях. Судя по труду В.Б. Стройновского, автор критиковал последователей А. Смита, в том числе и А.К. Шторха. Возможно, его взгляды на положение крестьян были близки взглядам Н.М. Карамзина, но нам неизвестно, насколько внимательно отнесся к четырехтомнику Стройновского историограф, слово «загляну» слишком неконкретно[64].

Последние страницы «Истории государства Российского» (пять глав недописанного 12-го тома) повествуют о событиях Смуты в 1606–1612 гг. Польша, король Сигизмунд, польские полководцы присутствуют на каждой странице «Истории». В это время историограф неважно себя чувствовал, месяцами не мог работать, торопился писать. Отдельные, случайно сохранившиеся бумаги, свидетельствуют о том, что наиболее занимало внимание Н.М. Карамзина. Черновые пометы делались иногда на тех бумагах, которые, видимо, лежали на письменном столе и оказывались под рукой, примером может служить одно из писем к историографу на французском языке, датированное 23 июля 1825 года. На обороте листка неразборчивые пометки и выписки карандашом, к которым Карамзин делал приписки чернилами, нумеруя выписки:

«Посылка в Новгород Приход смолян? Взятие Смоленска 13 июня? Новагорода (июня 11) 1) Сапега»[65].

Эти записи пригодились для пятой, последней главы двенадцатого тома. В ней говорилось о взятии после продолжительной осады Смоленска королем Сигизмундом в 1611 оду. Н.М. Карамзин подробно рассказал, что это произошло при помощи предательства одного жителя Смоленска, а дата взятия города, 13 июня, уточнена по сочинению Немцевича:

«Сказание Польских Историков достовернее: оно согласно с надписью на медали, выбитой в память сего события»[66].

---

64 Н.М. Карамзин, *Неизданные сочинения и переписка*, с. 165.

65 Российский государственный исторический архив (Санкт Петербург), Ф. 951 (Карамзин Николай Михайлович), Оп. 1, Д. 23, Л. 1б об.

66 Н.М. Карамзин, *История государства Российского*, кн. 3, т. 12, с. 179–180; прим. 770 к т. 12, с. 136.

Оценки исторических событий, столь тяжелых для России эпохи Смуты, не несут негативных характеристик действий поляков («ляхов»). Видимо, историограф не отступал от своего мнения 1819 года: «Пусть существует и даже благоденствует Королевство Польское…».

В заключение нужно отметить, что «Мнение Русского Гражданина» в годы, когда «История государства Российского» уже выдержала пять изданий и начинало выходить шестое, а в прошлом осталось польское восстание 1830–1831 гг., снова оказалось востребованным. 19 января 1852 года министр императорского двора и уделов светлейший князь и генерал-фельдмаршал П.М. Волконский подписал и направил отношение графу Д.Н. Блудову, который в то время уже проявил себя как талантливый государственный деятель, сановник, причастный к выработке политики в отношении Царства Польского, и являлся главноуправляющим II Отделением Собственной его императорского величества канцелярии, озаглавленное «О рукописном сочинении Карамзина». Министр должен был доложить императору Николаю I о том, «существует ли рукописное сочинение Н.М. Карамзина “Мысли о России” и в каком духе оно написано?». Д.Н. Блудов составил подробный ответ, черновик которого сохранился среди его бумаг. Граф уточнял, что так могли называть карамзинскую записку «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» «или же другую, читанную им (уже в 1819 году) Императору Александру, по случаю возникавшей в то время мысли о присоединении части возвращенных от Польши областей к Царству Польскому».

«Другая, о присоединении наших Западных губерний к Царству Польскому оставалась в руках Карамзина; но он сохранял ее в тайне также, или еще более, нежели первую, и только чрез месяц после кончины Императора Александра показал ее мне и еще двум или трем своим приятелям, не дозволив нам даже и в то время, списать ее. Теперь, однако ж, есть копии и сей последней записки, не знаю, совершенно ли верные. Что касается духа, в коих написаны как одна так и другая, то на каждой странице, можно сказать, в каждой строке оных мы находим выражение самых лучших чистейших намерений, самых искренних *и* живых, как истинного благоразумного патриотизма, так и пламенной безкорыстной [вписано

над строкой вместо: благоговейной] приверженности к Престолу вообще и в особенности к лицу Императора Александра. Но сии чувства и личная привязанность к Императору не препятствовали Карамзину [вписано над строкой вместо: ему] по любви к истине, первому коренному свойству благородной души его, иногда судить строго, может быть до некоторой степени и не совсем справедливо, иные действия Правительства».

«Записка его о Польше, составленная после разговора о сем с Императором Александром, в продолжение одной ночи, принадлежит к самым лучшим патриотическим его действиям и в ней может быть красноречивейшие страницы из всех вышедших из под пера его». «Впрочем, Карамзин не являет себя в сем случае и вообще никогда не был каким-либо непримиримым врагом всего Польского»[67].

Д.Н. Блудов завершил свое письмо цитатой из «Мнения Русского Гражданина» о благоденствии Польши, но процитировал несколько неточно. Представляется, что характеристики, данные Н.М. Карамзину и его высказываниям о Польше, вполне отвечают официальным представлениям о Карамзине в николаевское время, а внесенные изменения характеризуют, скорее, не точку зрения историографа, а официальные представления о «польском вопросе» в середине XIX века:

«Пусть существует и даже благоденствует Царство [вместо: Королевство] Польское под скипетром Александра [вставлено Д.Н. Блудовым], как оно есть ныне [пропущено Д.Н. Блудовым]; но да существует, да благоденствует и Россия как она есть и как она [вставлено Д.Н. Блудовым] оставлена Вам Екатериною»[68].

---

[67] Российский государственный исторический архив (Санкт Петербург), Ф. 1250 (Дела и бумаги Председателей и членов Государственного Совета). Оп. 1 (Бумаги гр. Блудова). Д. 50. Л. 1, 2об., 3об.-4 об., 5об., 6. Курсивом выделены слова, вписанные над строкой, иногда вместо зачеркнутых.

[68] Ibidem, Л. 6об. Подчеркивания Д.Н. Блудова повторяют подчеркивания Н.М. Карамзина. Курсивом выделены изменения Д.Н. Блудова в сравнении с текстом Н.М. Карамзина.

Streszczenie

„Gdzie jest Polska?”: N.M. Karamzin a sprawa polska pod koniec XVIII i w pierwszej ćwierci XIX wieku

W artykule przeanalizowano zarówno dzieło, jak i indywidualne wypowiedzi rosyjskiego pisarza i historyka Nikołaja Michajłowicza Karamzina (1766–1826), poświęcone stosunkom Rosji z Polską, a także postrzeganiu Polski i Polaków w Rosji.

Jest to pierwsze takie zestawienie prac Karamzina i jego wypowiedzi na temat spraw polskich. Stosunek Karamzina do Polski scharakteryzowano w kontekście rewolucji francuskiej i wojen europejskich pod koniec XVIII wieku. W artykule po raz pierwszy opublikowane zostały notatki Karamzina, w tym materiały pochodzące z *Historii państwa rosyjskiego* (ros.: *История государства Российского*). Analizie poddano również odbiór dzieła Karamzina przez historyków polskich.

Summary

“Where is Poland?”: N.M. Karamzin and the Polish Case at the End of the 18th and the First Quarter of the 19th Century

The article analyzes the works and individual statements of the Russian writer and historian N.M. Karamzin (1766–1826), devoted to the relationship between Russia and Poland, the perception of Poles and Poland in Russia. For the first time, Karamzin’s works and individual statements about the Polish question are collected in the fullest possible format. Karamzin’s attitude to the partitions of Poland in the context of the French revolution and the European wars of the end of the XVIII century is characterized. For the first time, some draft notes of Karamzin are published, including materials from the *History of the Russian state*. Karamzin’s methods of working with the works of Polish historians are analyzed.

Słowa kluczowe: Nikołaj Michajłowicz Karamzin, *Historia państwa rosyjskiego*, źródła historiograficzne, Polska, Wielkie Księstwo Litewskie, rewolucja francuska, Katarzyna II, Aleksander I, Konstantin Stiepanowicz Serbinowicz, Adam Naruszewicz, Julian Ursyn Niemcewicz

Keywords: N.M. Karamzin, *History of the Russian State*, preparatory materials, source study of historiography, Poland, the Grand Duchy of Lithuania, the French Revolution, Partitions of Poland, Catherine II, Alexander I, K.S. Serbinovich, A. Naruszewicz, J.U. Niemcewicz